

ИСА КАПАЕВ

Ё-МОЁ

ПОВЕСТЬ

В шахматы Йолмамбет с Джанбулатом играли в находящейся среди деревьев и кустов уединённой беседке, возле стадиона. Здесь стояла тишина, сюда по будням редко кто приходил, никто не мешал. В выходные дни, конечно, тут лучше было не появляться: люди со всего города и его окрестностей приезжали отдыхать; чтобы занять беседку, заранее специально посылали человека. В день встречи их обычно подвозил Джанбулат на своей темно-зелёной “Мазде”. Иногда по договорённости в условленное время Йолмамбет приходил и сам пешком. Ему нравился тутошний зелёный массив, он обходил асфальтированную дорогу и шёл по замысловатым тропинкам, сидел на скамейках, пеньках. Джанбулат вечно торопился, поэтому ездил на машине, у Йолмамбета же было время пройтись, подышать свежим воздухом. Он сидел в беседке и дожидался партнёра, успевал даже выкурить пару сигарет. Джанбулат был заядлый шахматист, Йолмамбет тоже, и часто своим знакомым говорил: “Шахматы не дают стареть мозгам”. Они играли, как говорят, с переменным успехом: выигрывал то Йолмамбет, то Джанбулат. В тот солнечный весенний день Джанбулат три раза подряд обыграл своего партнёра.

— Вот так, Йома! — хвастливо воскликнул Джанбулат, от удовольствия сверкая глазами.

Джанбулат называл своего партнёра Йомой, а Йолмамбет его — Джаном. Йолмамбет был на несколько месяцев старше, но Джанбулат почему-то

КАПАЕВ Иса Суюнович родился в 1949 году в ауле Эркин-Юрт Ногайского района Карачаево-Черкесии. Окончил Ростовский инженерно-строительный институт и Литературный институт им. М. Горького. Работал в газетах, с 1968 года стал публиковаться в журналах “Дон”, “Дружба народов”, “Знамя”, “Юность”. Автор рассказов, повестей, романа “Вокзал”. Учредитель и главный редактор ногойского русскоязычного журнала “Половецкая луна”. Народный писатель Карачаево-Черкесии.

считал старшим себя. Возможно, оттого, что он последнее время руководил общественной организацией “Равенство”. Был человеком амбициозным, придавал высокое значение своей деятельности, и даже в Уставе руководящий состав обозначил Высшим Национальным советом, а свою должность назвал “Президент”. Часто организовывал всевозможные собрания, любил выступать и старался заставить всех уважать организацию и все принципы, задаваемые ею. Даже в простом общении и при игре в шахматы. Зная об этом, проигравший Йолмамбет, стараясь скрыть обиду за проигрыш, сказал:

— Нету никакого равенства!

— Ты не путай общественное с личным. Я и ты, Йома, никак не можем быть равными.

— Я именно об этом. Ты супермен! — с иронией сказал Йолмамбет.

— Ты не иронизируй! Я каждое утро два ведра холодной воды на себя выливаю в ванной. Час занимаюсь на тренажёре.

— Ого! Для меня физкультура — умыться под краном и подмыться. Единственное — это хожу пешком от дома до центра и обратно.

— Во!

— Ещё курю! Это не спорт?

— Это безобразие! В твоём возрасте курить нельзя!

— Ты, как депутаты Государственной Думы — борцы с курением — ахинею несёшь!

— Государство заботится о твоём здоровье! Пойми ты, дурачина!

— А ну-ка, давай без оскорблений! Твои депутаты лучше бы заработки и пенсии граждан страны со своими доходами сравняли. Могли бы и чуть поднять. Это было бы шагом к равенству.

— А спорт? Ты же и спортом не занимаешься?

— А ты чем занимаешься? — огрызнулся Йолмамбет.

— Я же сказал: почти час на тренажёре педали кручу. А бабы у тебя есть?

— При чём тут бабы? После смерти жены никого не было.

— Почти три года?! — Джанбулат схватился за голову.

Жена Джанбулата умерла год назад, он жил с детьми в частном доме. Жена Йолмамбета умерла три года назад, он жил один в городской квартире.

— Что ты за голову хватаешься?

— Разве можно жить без бабы?! Надо завести. Не такую старую, как ты сам. Помоложе надо! — Джанбулат от удовольствия похлопал ладонями по чисто выбритому лицу, кончиками пальцев погладил свою лысину.

— Зачем мне? Я и так могу, не тянет... — тихо пробубнил Йолмамбет.

— Не ври. Разве можно жить без бабы? Бабы заряжают тебя, на подвиги толкают. Я двух имею. Одна разведёнка, в ауле живёт, а другая — здесь, в городе! — прихвостнул Джанбулат, покачивая головой и сверкая взглядом.

— Я так не смогу, — признался Йолмамбет.

— Главное хотеть! И всё получится!

— Неужели? А если она не хочет? — притворился Йолмамбет.

— Йома, они все делают вид, что не хотят. Моя городская сначала тоже всё отнекивалась. Строила из себя неприкосновенную. Я ей рассказал случай из детства. Как-то наш Барбос подкатил к сучке, а та рычит, не подпускает его. Тогда Барбос скомкал её и сделал своё дело. Я тоже взял, да и свалил её. Потом она смеялась: “Я что, как собака, рычу, что ли?” А как же?! Йома, все они рычат. После свькаются. Сегодня тоже рычала! — сказал он с самодовольной сдержанной улыбкой.

— Интересно: кто она?

— Э-э, хитрец Йома, тут у нас все друг друга знают. Этого я не скажу.

— Не говори, пожалуйста. Я не такой страдалец. Она замужняя?

— Нет. Муж умер года два назад. Она очень боится, что узнает сын. Сын на самом верху работает.

— Кто же это такая? Молодая? — не унимался Йолмамбет.

— Моложе нас. Но тебе лучше её не знать, не по зубам она тебе, Йома.

— Так что, Джан, нет равенства. У кого-то две, а у кого вообще никого. Несправедливо.

— Это от личных качеств зависит. Ты, Йома, не кури! Курение и на мужские дела влияет.

— У меня с этим всё нормально. Особенно утром чувствую. Но я не прочь проверить на практике.

— Чем гадать, пригласи за деньги!

— Нет. Это не в моём стиле. Любовь за деньги не покупается. Зачем тратиться, у меня и так пенсия маленькая.

— Тебе не угодить. Тогда ищи выход.

— Буду искать, — сказал Йолмамбет и добавил: — Но я не страдалец, чтобы за всякую чепуху платить деньги.

— Конечно, — кивнул головой Джанбулат...

Осадок на душе Йолмамбета от этого разговора остался. “Смотри на него, и в ауле, и в городе есть! Прямо плейбой какой-то! И что в нём нашли такого? Наверное, всё от того, что на общественной работе, с людьми. А я живу затворником. Ни с кем и заговорить не могу”, — рассуждал он ночью, лёжа в постели.

В молодости, до женитьбы, у него было несколько девушек во время командировок, за пределами родного города. На родине особо не разгуляешься, по этой части себя надо было вести скромно. Во время женитьбы родились дети, и он с большим усердием занимался семьёй. Он все силы отдавал воспитанию детей. По его принципу, ради удачного воспитания надо самому быть примерным, и он старался, чтобы за ним закрепилось имя семьянина, благополучного отца.

После смерти жены он жил по инерции прошлой жизни, сохраняя верность покойной супруге. Да и женщины особо не зарились на него. Был он обыкновенной внешности, среднего роста, в меру упитанный, правда, плечистый. Лицо обыкновенное, без морщин, из-за лысины постоянно носил головные уборы: зимой — шапки, летом — кепки, а иногда и шляпу. Одинокие женщины, знавшие его только с положительной стороны, иногда делали намёки. Но все они непривлекательные, средненькие, страдавшие от своего одиночества, и он не отвечал взаимностью. А на красивых женщин он обращал внимание. Но среди них чаще встречал особ с корыстными целями. Некоторые из них, видя по его одежде, что он не богатый, прямо спрашивали о его жилищных условиях и чем он располагает, имея в виду совместную жизнь. Их интересовала квартира и кому она достанется в случае его смерти. Таких он распознавал сразу и старался не развивать отношений. У него были дети, внуки, и единственная ценность, которую он мог оставить им, — это квартира. Как же её отписать кому-то? “Лучше подохну, чем лишиться последнего! — выговаривал он себе. — Зачем мне жена?”

Как-то, идя по улице, он увидел двух молодых женщин. Не совсем молодые, но и не пожилые, подходили под его возраст. Одеты нарядно: видимо, возвращались с праздника. Одна из них, полная блондинка, с букетом цветов, другая худенькая, тоже блондинка, держала подругу за руку, обе явно навеселе. Сравнявшись с Йолмамбетом, они посмотрели на него с любопытством. Он тоже обратил внимание и остановился, чтобы получше разглядеть сзади. И невольно подслушал их разговор. Полная блондинка сказала подруге:

— Ничего мужичок!

— В том-то и дело, что ничего. Ничего! Старенький он! Ни денег, ни шарма! Этого мужика будить надо!

Они рассмеялись.

Йолмамбету стало обидно за себя, но он стерпел. А про себя проговорил: “Я вам проснусь! Мало не покажется!”

Женщины повернулись назад, как будто услышали, что он сказал, но обе по выражению его лица поняли, что он слышал их разговор, разом засмеялись и побежали прочь.

Человек предусмотрительный, ответственный за свои поступки, Йолмамбет ни с кем не скандалил, в чужие дела не лез. Жил одиноко в своей однокомнатной квартире. Сам прибирал её, сам себе готовил, стирал бельё в стиральной машине. Помощь женщины ему была не нужна, и от своего

одинокости он не страдал. Родственными душами были дети, он поочередно ходил к ним, игрался с внуками. Они поддерживали его душевное равновесие. Дома же он предпочитал одиночество. Читал книги, смотрел телевизор, играл в шахматы на компьютере. Как сверканье молнии, иногда у него просыпалась тоска по женскому телу. Он старался подавить в себе это чувство, делая нравственно-этические выговоры типа: “Возьми себя в руки; не стыдно тебе? А что будет, если узнают люди, засмеют, надо о своём возрасте думать...”

Эту квартиру он купил на закате развитого социализма. До этого у него была большая квартира, которую он получил бесплатно, работая инженером на заводе. Он в ней жил со своей семьёй: с двумя детьми и супругой. Сыновья подросли и обзавелись семьями, квартиру пришлось отдать и поделить её между ними. А на накопления, слава богу, тогда они были у него, он купил себе с женой однушку в центре города. Жена заболела, почечная недостаточность. Пришлось возить по врачам и тратиться на всякие лекарства. На заводе он проработал ещё год. Трудное время настало. Обидно оттого, что на его глазах для ускорения приватизации разваливали завод. Гайдаровцы шагали по стране. Он, как и миллионы сограждан, привыкших подчиняться воле государства, молчал. Жил по принципу удобной ногайской пословицы: “Если общество слепое, то закрой один глаз”. Надо было думать о себе и о детях, они тоже становились на ноги. Сначала он уехал на шабашку, стал заниматься частными постройками, но работа оказалась тяжёлой, пришлось вернуться. Стал “челноком”. В его отсутствие дети присматривали за женой. Он ездил на Север, возил на продажу шерстяные изделия, затем стал привозить из Москвы автозапчасти. Когда выходил на пенсию, во время операции в больнице умерла жена. Он держал траур и в этот же год оформлял пенсию. Неожиданно узнал, что у него не хватает стажа. И как только ни считали, ни пересчитывали, получилось мало. Опять-таки: как все, так и мы. Он ещё продолжал челночничать. Даже в Турцию съездил за товарами. Подсобрал долларов, помог детям разъехаться по разным квартирам, из другой части сбережений ежемесячно добавлял к своей пенсии, чтобы существовать. А затем купил дачу и целыми днями стал пропадать на ней. Он так и продолжал бы дачную деятельность, но произошло крупнейшее наводнение, дачный деревянный домик унесло течением, а огород был испорчен наносами. Никто не компенсировал ущерб. И он заделался обыкновенным пенсионером. Держал при себе долларовую заначку, стал жить ещё экономнее.

Совершенно неожиданно для него стали помогать сыновья. Он-то думал, что дети постоянно нуждаются в его помощи, тем более у них были свои маленькие дети. Сначала старший Али купил ему новый плоский телевизор, а затем младший Руслан принёс компьютер в фабричной упаковке.

Разные думы посещали его, особенно перед сном, когда он перебирал всё, что случилось за прошедший день, и строил планы на будущие сутки. Жёну он вспоминал, но всякий раз заставлял себя забыть про неё. Однажды даже вслух выговорил: “Она же ушла в мир иной. Пусть ей там покойно будет, зачем её тревожить...”

Желанная у Йолмамбета была. Он сам себе не мог признаться, что его влечёт к ней. Она у него была секретная, тайная. Он понимал, что мечта его несбыточна.

Года два назад умер приятель Йолмамбета Хамзат, его аульчанин, живущий в городе. Приятель слыл хлебосольным и гостеприимным земляком. Йолмамбет в городе почти не имел друзей, и Хамзат был один из редких знакомых, который, увидев его на остановке автобуса или просто идущего по улице, останавливал свой “Мерседес”, выходил из него, подбегал к нему. Он здоровался и, расспросив про жизнь-бытьё, назначал встречу в кафе или возил на работу, где распивали бутылку и беседовали на нескончаемые темы. Умер он внезапно. Сказали, что оторвался тромб. Хамзат имел свою торговую фирму, успешно занимался торговлей, недалеко от квартиры Йолмамбета построил добротный частный дом. Весть о его преждевременной смерти для всех стала неожиданной, многие сочувствовали родным и переживали о случившемся. Йолмамбет тоже сильно опечалился и поторопился пойти

к дому приятеля, чтобы проводить его в последний путь. Забор, как и дом, был построен из новенького красного кирпича, вдоль забора росли зелёные ёлки, двор был обложен цветной тротуарной плиткой — всё говорило о достатке хозяина. Йолмамбет во дворе увидел много своих аульчан и много знакомых горожан. Как подобает на похоронах, все были в головных уборах, в тёмных одеждах. Аульчане и знакомые говорили о большой человечности покойного, о его гостеприимстве, скорбно вздыхали. Ближе знавшие Хамзата и его родственники выдвинулись в переднюю часть двора, чтобы все видели их присутствие. Йолмамбет тоже оказался среди них. Рядом с ним стал аульский балагур, родственник Хамзата, краснолицый и чрезмерно полный Каирбек. Узнав Йолмамбета, шутливо, а на самом деле очень сильно хлопнул его по плечу ладонью. Каирбеку от этого стало весело, а Йолмамбету больно, и он угрожающе посмотрел на аульчанина. Из-за того, что на такой церемонии нельзя громко разговаривать, он никак не отреагировал. Будь это в другом месте, он, конечно, мог и дать сдачи.

— Привет, инженер! — сказал приглушённо Каирбек, скрывая веселье на лице.

— Вообще-то у меня имя есть. И не надо размахиваться, я могу и пальцы сломать! — тоже приглушённо ответил Йолмамбет.

— Йолмамбет, я по-дружески. Давно с тобой не виделись. Мы с тобой в армию в одно и то же время призывались. Не помнишь, что ли?

— Помню, Каирбек.

— Как дела? — спросил толстяк, поправляя свою чёрную обтрёпанную кожаную куртку.

Но ответа не получил, в это время из распахнутых парадных дверей стали выносить тело покойника на носилках, покрытых чёрной буркой. Толпа приутихла. Следом за носилками из дома стали выходить рыдающие женщины. Около держащих носилки молодых людей стал мулла в зелёной шапке, обвязанной куском белой ткани, в сером пальто, в брюках, заправленных в голенища чёрных сапог. Он поднял руку и затем неодобрительно посмотрел на женщин:

— Замолчите! — прикрикнул он и подождал, пока все утихнут.

Женщины, прекратив рыдания, выстроились в ряд. Среди них стояла хозяйка Лейла в тёмно-зелёном бархатном платье, талия её, чтобы не прохватило сквозняками, была обвязана серым пуховым платком, на голову накинута чёрная платок. Она кончиком платка прикрывала рот, пальчик другой руки держала около уголка миндалевидных глаз, будто удерживала слёзы. Когда она случайно убирала с лица кончик платка, открывалось её гладкое белое лицо, чётко вырисовывались дуги бровей, заметно вздувались ноздри маленького носика и вытягивались сложенные в трубку крашенные розовые губы. Все успевали заметить её красоту. Она моментально закрывалась кончиком платка.

— Аминь! — произнёс мулла и выставил ладони перед лицом для молитвы.

Вся толпа тоже выставила ладони. Супруга покойного тоже выставила ладони, отпустив кончик платка. От этого лицо Лейлы обнажилось. Йолмамбет был поражён её красотой. И, наверное, не он один. Обработанное косметикой лицо, чётко подведённые брови, накрашенные ресницы, розовая помада на губах говорили о том, что она готовилась к этому. Наиболее стеснительные опустили глаза. Опустил глаза и Йолмамбет.

Краснолицый толстяк Каирбек нагнулся к голове Йолмамбета и отчётливо произнёс:

— Долго не продержится!

Йолмамбет неодобрительно посмотрел на Каирбека. Услышавший эти слова конопатый мужчина, стоящий с другой стороны возле Йолмамбета, прыснул со смеху, но быстро пришёл в себя, так как мулла стал читать молитву. Дочитав и сказав: “Аминь”, мулла погладил ладонями лицо. Все повторили его движения. Все молчали, создалась пауза. Конопатый, нагнувшись, посмотрев сначала на Каирбека, а затем на Йолмамбета, упрёкнул:

— Разве можно во время похорон думать о таком?

— Это не я! Это Йолмамбет. Он на красивых женщин всегда заглядывается, — скороговоркой выпалил Каирбек.

Йолмамбет, как будто обдали холодной водой его спину, оторопел и, вытаращив глаза, посмотрел на толстяка.

— А я думал, это ты! — проговорил конопатый, удивляясь.

— Не-ет, — притворно протянул Каирбек. — Как я могу такое сказать. Покойный Хамзат мой родственник, он столько добра мне сделал. Да и супруга его всегда так почитала! Надо быть совсем конченным, чтобы такое себе позволить!

Йолмамбет поразился возмутительной наглости:

— А что, по-твоему, я мог такое сказать?! Ты сказал: “Долго не продержится”.

— Тихо! Опять повторяешь! — невозмутимо произнёс Каирбек.

— Прекращайте! Это похороны! — строго сказал конопатый.

— Ямагат! — обратился мулла к толпе. — Несите!

Толпа раздвинулась, молодые люди быстро понесли носилки. Женщины зарыдали вслед. Несущие носилки подошли к стоящей снаружи двора машине “скорой помощи” и поставили в неё носилки с покойником. Люди стали рассаживаться по легковым машинам. Для таких “безлошадных”, как Йолмамбет, подали “Икарус” красного цвета. Когда все расселись, колонна легковых машин и автобус во главе со “скорой помощью” поехали в аул. Йолмамбет взобрался в автобус почти позже всех, но этого было достаточно, чтобы пассажиры обсудили последнюю новость. Большая часть сохраняла скорбь на лицах, но Йолмамбет сразу почувствовал посмеивающиеся взгляды некоторых попутчиков, и он прекрасно понимал причину. Колонна поехала через весь аул, чтобы обозначить среди аульчан траурную процессию. Затем колонна остановилась возле кладбища. Все вышли из машин. Молодые люди понесли носилки к свежевыкопанной могиле. Здесь всем опять-таки руководил мулла. Труп в белом саване положили в нишу алагат, которая находилась с южной стороны могилы, нишу с покойником, плотно подогнав, заставили короткими досками, затем все попеременно, сменяя друг друга, засыпали яму лопатами с землёй.

Когда ехали обратно в город, сидевший рядом мужик с улыбкой посмотрел на Йолмамбета и приглушённым голосом спросил:

— Говоришь, что вдова долго не продержится?

Йолмамбет был ошарашен:

— Да что такое?! Это сказал Каирбек. Это не я!

— Ну да! Каирбек — родственник Хамзата, он не мог неместно выразиться о его супруге.

— А я мог, да? Покойный мне был другом. Каирбек сказал, а потом на меня перевёл.

— Почему он так сделал?

— Не знаю! От большого ума! Или так пошутил неудачно, свинья! Я не мог ему ответить из-за того, что в это время нельзя было громко разговаривать. Ну, жирная свинья, берегись!

На этом инцидент не закончился. Проходя через соседнюю улицу, Йолмамбет иногда видел красивую вдову в чёрном платке, идущую на работу. Когда прошёл год, она сняла платок и ходила с непокрытой головой. При виде Лейлы он останавливался и осторожно всматривался. Её аккуратная головка с модной причёской крашенных чёрных волос, стройная фигура, слегка покачивающаяся походка притягивали его взор. Он готов был днём и ночью наблюдать за ней. И, конечно, ему хотелось, чтобы она обратила на него внимание. И она обратила. Увидев его фигуру на углу улицы, Лейла вдруг резко зашагала к нему. Он был приятно удивлён. И, чтобы выразить свой восторг, широко улыбнулся. Но это был преждевременный восторг. Она подошла к нему и, сощурившись, впилась в него взглядом зелёных глаз:

— Эй ты, Ё-моё! — выпалила она, раздувая ноздри маленького носика.

— Что так недружелюбно?! Я старше тебя! Можно было по-другому обратиться к незнакомому человеку!.. Вообще-то моё имя Йолмамбет, но друзья иногда называют Йомой, но не Ё-моё.

— Ты не заслуживаешь дружелюбного разговора! Для этого надо вести себя прилично!

— В чём дело? Объясни, пожалуйста!

— Не лезь в мою жизнь! — И она гневно засверлила его своими зелёными глазами.

— А что я такого сделал? — недоуменно проговорил он, но сам уже догадывался.

— Какое твоё собачье дело, сколько я продержусь?!

— А, вы об этом?

— Об этом! Об этом! Хорошо, что вспомнил!

— Но я этого не говорил. Это произнёс Каирбек, а затем на меня свалил.

— Каирбек не мог этого сказать. Он родственник Хамзата. Это ты сказал!

— Я не говорил! — категорично заявил Йолмамбет.

Она, глядя исподлобья, произнесла:

— Если ещё повторится, я тебе пасть порву!

— Ого! Если я позволю!

— Спрашивать не буду! Позволишь! Лучше заткнись! Понял! Я на тебя найду управу! — захлёбываясь от подступающего гнева, она пошла своей дорогой.

Йолмамбет был потрясён перепалкой. Однако через пару месяцев стал забывать это происшествие.

Обычно времяпрепровождение Йолмамбета было сплошным бездельем. Просыпался он рано. Выпив чаю, садился за компьютер: смотрел погоду, затем ленту новостей, спортивное обозрение, иногда читал газетные сайты, интересовался политикой, происходящими событиями в регионах. На всё это уходило около часа. После прибирал в квартире, стирал одежду в стиральной машине, готовил еду. В день он обязательно несколько раз выходил на воздух. Утром прохаживался недалеко от дома. Достаточно проветрившись, заходил домой позавтракать. Позавтракав, отправлялся в длительную прогулку по городу. Доходил до центрального парка и сидел там на скамейках. У него было несколько знакомых пенсионеров, с которыми он перебрасывался словечками, но дружить он ни с кем не дружил. Затем Йолмамбет ходил по этому же парку или выходил на центральную улицу. Здесь он сидел на разных скамейках, ходил по магазинам. В какие-то дни покупал необходимое для дома, продукты, мужские принадлежности, чаще просто так заходил в магазины, присматривался к ценам, делал вид, будто что-то ищет.

После состоявшегося неприятного разговора он сначала избегал встреч, но после осмелел. Изменил свой распорядок и сам не понял, как у него получалось и как его выносило на соседнюю улицу, по которой она ходила на работу. Там он оказывался на противоположной стороне и, зайдя в булочную, дожидался её появления. После, томительно вздыхая, наблюдал, как она проходит мимо. Одевалась Лейла по своему вкусу. На ней всегда были облегающие её стройное тело одежды, она любила строгие фасоны, но были свои определённые цвета. В осеннюю прохладную погоду она выходила в светлом пальто или фиолетовой куртке, летом носила ярко-зелёные, розовые, шоколадного цвета костюмы, в жару — цветастые платья из тонкой шелковистой ткани, на ногах — яркая, на высоких каблучках обувь. Зимой ходила в светлой дублёнке или короткой норковой шубе и высоких сапогах белого или коричневого цвета.

После происшедшего инцидента Йолмамбет стал избегать прямых встреч. Когда Лейла проходила мимо булочной, он выходил и, как детектив, шёл вдали. Когда она исчезала за углом, дальше не шёл. За углом метрах в пятидесяти располагалось здание Пенсионного фонда, она могла развернуться и увидеть его. Он уходил к парку и сидел там, наблюдая, как играют дети возле фонтана, как катаются на детских машинках и велосипедах. К часу дня, ко времени обеденного перерыва, ноги несли его к зданию Пенсионного фонда. Работники фонда, в основном женщины, обедали в соседнем кафе. Йолмамбет боялся столкнуться с Лейлой и поэтому заранее занимал позицию в большом универмаге на втором этаже. Оттуда, из-за парадного стекла было видно, как на противоположной стороне улицы женщины

выходят из здания и идут к кафе. Он дожидался, когда женщины, а вместе с ними и Лейла, выходили из кафе и возвращались в своё здание. Конечно, он сильно боялся того, что кто-то узнает об этих его почти детских проделках. Где-то в глубине души он хотел, чтобы она узнала о том, что он тайный её поклонник. Допускал, что это могло подействовать на неё. Но после, когда шёл домой, он на корню отметал эти иллюзии. “И чего я за ней таскаюсь, как тень?”

Дома обедал. Вольготно валялся на диване, если получалось, на часок засыпал. Дождавшись окончания рабочего дня, выходил из дому и направлялся к детям. Один день он ходил к одному из сыновей, на следующий день посещал другого. У них ужинал, расспрашивал про жизнь-бытьё, интересовался учёбой старших внуков, всех учил играть в шахматы. Но особо не надоедал, когда темнело, возвращался домой. Дома опять устраивался на своём диване и смотрел телевизор. Самые тяжёлые моменты времяпрепровождения были перед сном, когда он ложился спать. Перед глазами у него проходил весь прошедший день. Воспоминания о Лейле были самыми приятными минутами. Её ладный вид, красота мелькали в сознании. Он даже старался представить интимный момент с ней, но тотчас же отсекал на корню: “Она мне не даст, я ей не пара. А могла же! Что я ей, урод какой?” Эта мысль преследовала и мучила его. “А вдруг? Если бы это стало возможным, то я бы стал самым счастливым человеком!” — Иллюзия счастья постепенно вселялась в его сознание, и он часто так засыпал. Но утром, проснувшись, понимал безнадёжность своего положения. Утренний свет всегда его отрезвлял.

После встречи с Джанбулатом в беседке Йолмамбет совершенно незапланированно посетил младшего сына Руслана на работе. Иногда с людьми происходят удивительные приключения. И в этот день произошло нечто подобное.

Офис находился неподалёку от здания Пенсионного фонда. На проходной Йолмамбет сказал, что идёт к Карамову. Услышав фамилию сына, его пропустили. До этого он как-то приходил к нему. В помещении было светло от множества светильников, всё оформлено со вкусом, современно: на стенах обои серебристого цвета, стояло много зеркал от самого пола, на стенах висели картины, посреди фойе красовались большие мягкие кресла, обтянутые золотистым материалом. Ему здесь понравилось в прошлый раз. Повсюду сновали опрятно одетые молодые девушки и парни. Менеджеры сидели в большом просторном зале. Рабочие места разделены между собой перегородками из матового стекла. Руслан руководил отделом менеджеров, но тоже сидел за перегородкой, только в передней части зала. На его рабочем месте стояло подвижное кресло на роликах и серый стол с компьютером, к стене прикреплены полки для бумаг. Для посетителей стоял всего один стул при входе. Тесно, но по-деловому. Йолмамбет зашёл за перегородку и, подняв руку, остановил развернувшего кресло и пытающегося встать Руслана:

— Сиди, я на минутку.

— Да хоть на час! — сказал сын. Он остался на месте и, облокотившись о поручни, улыбнулся отцу.

Йолмамбет сел на стул, пододвинув его. Руслан был самым младшим в семье и любимчиком матери, она исполняла все его прихоти. Йолмамбет старался сохранять к детям ровное отношение, воспитывал обоих сыновей в строгих народных традициях. Единственное, что он позволял младшему, — это разговаривать дерзко. Соглашался с его поправками и предложениями, порою они оказывались верными. Он его любил, но свои чувства всегда скрывал от детей. Они перекинулись несколькими словечками. Во время беседы к Руслану зашёл импозантный мужчина в синем модном костюме, в белой сорочке и при галстучке. Он положил на стол белый конверт:

— Твоё дело успешно свершилось! Первая партия зерна пошла за кордон. Молодец!

— Это мой шеф, — сказал отцу молодой человек, а затем повернулся к мужчине и проговорил: — А это мой отец!

Йолмамбет почувствовал себя неловко и хотел встать, чтобы оставить шефа с сыном.

— Сидите, сидите! — в командном тоне проговорил шеф и оценивающе оглядел скромный вид Йолмамбета. — Ваш сын один из лучших работников в нашей компании. Успехов вам! — И ушёл.

— Отец, с твоим приходом пришла радость! — Сын ощупал конверт и открыл его. Лицо засияло.

— Руслан! — раздался голос вернувшегося шефа.

Йолмамбет повернулся в его сторону и хотел встать.

— Сидите, сидите! — произнёс учтиво шеф. — Нужно узнать, что необходимо Дому ребёнка “Надежда”. — А затем кинул взгляд на Йолмамбета и добавил: — Надо и Дому престарелых помочь. Узнай!

— Хорошо, шеф! Сделаем всё в лучшем виде! — сказал радостный Руслан.

Шеф ушёл.

— А что ты не встаёшь, когда он заходит к тебе? — удивился отец.

— У нас на работе не принято раскланиваться! Это правило он сам ввёл. “Может, это и правильно?” — подумал Йолмамбет.

Руслан вытащил из конверта две купюры по пятьсот евро и протянул отцу:

— Отец, это тебе. Купишь себе что-нибудь.

— Ещё чего?! — запротестовал Йолмамбет. — Мне не надо! У тебя семья!

— Всего тысяча! Могу и больше!

— Это мне много! Семьдесят четыре тысячи рублей! Моя пенсия за пять месяцев!

Руслан показал на конверт:

— Здесь десять тысяч евро. У меня будет столько же после каждой отправки.

— Дай бог! Но мне не надо помогать! — возмущённо сказал Йолмамбет.

— Отец, ты не понимаешь. Когда я правильно трачу деньги, мне всегда сопутствует удача! — привёл Руслан свой веский аргумент.

— Нет и нет! — замахал руками отец.

— Я сегодня и брату подкину тысячу.

— Не надо и его ставить в изживенческое положение. Пусть сам зарабатывает!

Руслан насмешливо улыбнулся. Он был не из тех, кто отступает от своих решений. Подумав и изменив тон, поучительно сказал:

— Отец, ты ничего не понимаешь в жизни. Что у тебя за вид? Ты видел, как выглядит мой шеф? А он старше тебя на десять лет!

— Ну и что?

— К четырём часам ты подходи ко мне, и мы с тобой поедem в салон. Я там тебе одежду подберу.

— Не нужна мне новая одежда!

— Ещё как она тебе нужна! Ходишь, как советский инженер!

— Я и так советский инженер!

— Такие костюмы давно никто не носит. Не позорь ты детей!

Йолмамбет смутился. В ход пошли главные козыри. Отец виноватым голосом проговорил:

— Чем это я вас позорю? У меня опрятный вид.

Руслан понял, что в стене непонимания пробита брешь:

— Не в том дело. Надо придерживаться общих норм поведения. Весь мир одевается по-другому, почему ты должен ходить в жалком виде?

— Да не жалкий у меня вид, — удивился Йолмамбет. Но вспомнил разговор двух женщин, которые его взбесили, и поник духом.

— В шестнадцать ноль-ноль я тебя жду! Понял?! — в приказном тоне выговорил сын и вопрошающе посмотрел на отца.

— Понял. — Йолмамбет встал и, нагнувшись, оглядел свои выглаженные брюки, на всякий случай отряхнул пиджак. — Нормальный костюм!

— Отец, давай, послушай меня. Твой вид говорит о моём благополучии. Ты мой имидж — ты мой отец! Придешь?

— Приду, если я вас позорю! Но не в одежде дело...

Йолмамбет вышел из офиса. Делая вид, что недоволен предложением сына, закурил и, постояв, всё обдумал. Согласился с доводами сына и произнёс про себя: “Пусть! Если ему денег не жалко...” До назначенного времени оставалось много. Можно было не торопясь сходить домой и вернуться, но его на что-то тянуло, даже подумал пройтись в парк и посидеть возле фонтана. Он не успел принять разумное решение, как увидел на противоположной стороне улицы Лейлу в бирюзовом костюме с красной сумкой в руках. Йолмамбет забеспокоился. И, хотя намеревался идти в ту сторону, откуда шла женщина, пошёл по направлению её ходьбы, оглядываясь в её сторону. Самое интересное, что и Лейла часто оглядывалась. Пройдя метров сто, Йолмамбет остановился возле кафе-мороженого, затем быстро юркнул в открытые двери и остановился возле окна, откуда открывался хороший обзор всей улицы. Лейла, дойдя до угла здания, остановилась и оглянулась по сторонам. Достала из красной сумки голубую косынку, накинута на голову и завязала уголки у шеи, затем достала чёрные очки и нацепила их на нос. “Маскируется, что ли?” — У него разгорелось любопытство. Она прошла ещё с десятков метров, по-прежнему оглядываясь по сторонам, остановилась возле припаркованных машин. Затем прошла к дому, опять оглянулась и быстро исчезла в открытой двери многоэтажного дома. “Очень подозрительно”, — подумал он. После он выбрал место в зале кафе, чтобы видеть через окно ту сторону улицы. Заказал кофе и мороженое. В зале было много детей. Он не обращал внимание на их гвалт, сидел и наблюдал за домом. Когда прошло более часа, Лейла вышла из подъезда. Опять стала оглядываться, прошла к припаркованным автомобилям. Остановилась. К тёмно-зелёной машине, возле которой стояла волнующаяся Лейла, подошёл мужчина с тёмно-коричневой шевелюрой, включил сигнализацию и, открыв дверцу, сел. Лейла, поправив чёрные очки, быстро оглянулась по сторонам и села в ту же машину на заднее сиденье. “Ага! — удовлетворённо произнёс Йолмамбет. — Долго не продержалась!” Он хлопнул себя по колену. От этого умозаклочения стало обидно, казалось, что Лейла изменила ему. Все его прежние иллюзии исчезли. “Кто она тебе? Никто! Ей тоже хочется”, — пытался он себя успокоить. Когда машина отъехала, он разглядел, что это автомобиль марки “Мазда”. “Очень знакомая машина”, — подумал он. Такой марки автомобиль был и у Джанбулата. И мужчина по росту очень походил на него. Смущали только волосы на голове. Йолмамбет стал припоминать приятеля. Он был такой же лысый, как и Йолмамбет, а последнее время до синевы брил свою голову. “Откуда у него волосы? Не вырастил же он их в зарубежных клиниках, в наших краях этого не делают! Тем более, где я его недавно видел? Нет, конечно. Это другой!” Так в смятении он просидел в детском кафе до тех пор, когда надо было идти к сыну. Смятение не проходило и тогда, когда он подошёл к офису. Руслан стоял на обочине дороги возле своего серебристого “БМВ”, но Йолмамбет его не увидел. Он закурил, поглядывая на вход в здание. Сын подбежал к нему:

— Отец, я давно здесь.

— Да? А я тебя не видел.

— Пошли. Не кури! Себе вредишь! Бросай табак!

— Я и не пытаюсь бросать. Мне постоянно чего-то не хватает. Закурю — успокаиваюсь.

— Это неправда! Ты сам себя обманываешь. Ты отстал от жизни! Сейчас среди нас курение и злоупотребление алкоголем считается дурным признаком.

— Отец твой дурной человек! — с обидой сказал Йолмамбет.

— Да, надо за тебя взяться всерьёз!

— На себя посмотри! — огрызнулся Йолмамбет и бросил окурки в урну.

По пути Руслан остановил машину возле “Сбербанка”, побеговав туда, быстро вернулся. “Деньги поменял”, — сказал он. Йолмамбет всю дорогу молчал. Подъехали к самому дорогому в городе салону мужской одежды. Продавцы Руслана знали, две девушки сразу подступили к нему.

— Что вам? — одновременно произнесли они.

— Надо приодеть отца, а то у него старомодная одежда! — объяснил Руслан.

— Праздничная или каждодневная? По цене как? — спросила одна из девушек, видимо, старшая.

— Каждодневная. Наш отец по балам не ходит.

— Это ваш отец? Только у нас дорогая одежда, — загадочно произнесла другая продавщица.

— Я поэтому к вам и пришёл! Кашемир, викунья, твид, лён, шёлк. Синтетику не предлагать!

— По цене ясно, — подхватила старшая, — вас волнует и фасон?

— Приличный, представительский!

— Принеси с левого ряда! — велела старшая, показывая в сторону, где стояли ряды с костюмами.

Девушка принесла два костюма на вешалках: один зелёный, другой красный.

Йолмамбет отрицательно замотал головой. Руслан увидел его реакцию.

— Не подходит! — сказал он.

Девушка отнесла эти костюмы и вернулась с чёрным и серым.

— Ткань добротная, но почему они с блеском? — спросил Руслан.

— Такие сейчас модные. В них хорошо пойти в ресторан, театр, на собрание.

— Я не хожу по ресторанам, — проговорил Йолмамбет, выражая своё неприятие.

— Может, пойдёшь? — Руслан повернулся к девушкам. — Принесите, пожалуйста, однотонный, но без блеска. Ему блеск не нравится.

Девушка сходила в ряды и принесла костюм из тёмно-синего материала.

— Добротный! Как у моего шефа! — воскликнул Руслан. — Надевай, отец! Он тебе подойдёт.

— А ничего, что он такой же, как у твоего шефа? — осторожно спросил Йолмамбет.

— Ты что, отец? Не комплексуй! У него десять разных костюмов. Один лучше другого! Домработница его каждый день наряжает по-новому. Он забывает, что надевал накануне.

— Если так... — неопределённо проговорил Йолмамбет и, взяв в руки вешалку с костюмом, внимательно разглядел его. — Вроде ничего.

Девушки повели его в примерочную кабинку. Следом — Руслан.

— Пиджак в самый раз! — поторопился похвалить сын.

— Вот только брюки узкие! — засомневался отец.

— Брюки в самый раз, они такими и должны быть. То, что длинные, обрежут, — сказал Руслан.

Заглянула и старшая продавщица:

— Как будто на вас сшили! Сейчас позовём мастера из ателье. Ателье прямо у нас в салоне. Он подошьёт брюки на ваше усмотрение. Это займёт минут десять всего, а вы попейте кофе в нашем баре.

— Нам кофе пить некогда, у нас ещё уйма покупок. Надо подобрать обувь, джинсы, сорочки, пуловеры, всю верхнюю одежду.

— Это мы сделаем с удовольствием! — радостно подхватила продавщица.

Пришёл мастер. Примерив, унёс брюки. Руслан попросил старшую подобрать по размерам пару джинсов, несколько сорочек, футболки, лёгкие пуловеры, модную куртку. Сами без сопровождения пошли в обувной отдел и выбрали две пары обуви. Когда купили, мастер вернулся с подшитыми брюками. Затем отец примерил джинсы, мастер отметил, сколько надо подшивать, и ушёл. Йолмамбет надел купленный костюм вместе с сорочкой и новыми туфлями. Сын внимательно осмотрел его. На голове Йолмамбета всё время оставалась старая тёмная кепка.

— Отец, ты не можешь ходить без кепки?

— Нет, Руслан, — устало ответил Йолмамбет, ожидая, что сейчас начнётся новая обработка.

Сын повернулся к стоящей у входа в кабинку продавщице:

— Принесите модную кепку и две новых бейсболки, чтобы отец одевался по сезону.

— К летнему сезону хорошо бы кроссовки. Сегодня отменные завезли! — продавщица вопросительно посмотрела на Руслана.

— Принесите! Пусть привыкает к хорошей одежде и обуви, — сказал сын.

Йолмамбету не понравился тон сына, но он сдержался. Продавщица, спросив размер, удалась. Через некоторое время она вернулась с головными уборами. Чтобы снять старую кепку, Руслан ретиво протянул руку к голове отца, но в ответ получил удар по руке. Сын оторопел, пытаясь обнаружить причину такого поведения, вопросительно посмотрел на отца.

— Никогда не притрагивайся к головным уборам старших! Так нас воспитывали. — Он сам снял кепку и отложил её в ворох своей старой одежды.

— Мог бы и покультурнее! — проговорил сын.

— Культурно с вами не получается! — буркнул отец.

— Он и без кепки ничего! — произнесла старшая продавщица комплимент, чтобы замаять инцидент.

— В том-то и дело, что ничего! Ничего! — Йолмамбет с раздражением повторил слова незнакомой женщины, оценившей его когда-то на улице.

Он надел новую кепку. Примерил и бейсболки. Всё подходило.

— Делай, что хочешь! — произнёс отец в сторону сына и устало сел на стул в кабинке.

Затем принесли джинсы, сорочки и пуловеры, добротную осенне-весеннюю кожаную куртку, чёрную кожаную барсетку. Затем прямо под нос подсунули белые на толстой подошве кроссовки. Он надел это и предстал перед зеркалом. Кроссовки и бейсболка делали его значительно выше ростом, джинсы и бежевый пуловер обтягивали и придавали стройность фигуре. Делали моложе, чем прежний его обвисший костюм. Йолмамбет смотрел на своё отражение и не узнавал Йолмамбета. Он стоял и чувствовал себя лишённым всякой воли. Вскоре другая продавщица упаковала все обновки, кроме тех, что были на Йолмамбете, и вручила им.

— Ну как? — спросил у неё Руслан.

— Хоть сейчас на телевизионное шоу.

— На “Пусть говорят” к Малахову или в “Дом-два” к Бузовой, — сыронизировал Йолмамбет.

— К Якубовичу на “Поле чудес”, отгадывать города, куда поедешь в санаторий.

— Не хочу я в санаторий! — недовольно проговорил отец.

— Тебе не угодить, надо тобой серьёзно заняться, — поняв, что разговор преждевременный, Руслан сделал примирительное выражение лица. — Отец, ты из карманов старой одежды вытащи вещи и переложи их в барсетку.

— А одежду куда? — удивился отец. — Я в старой пойду.

— Её выкинут работники магазина. Зачем она?

— Разве можно выкидывать добро?! Эту одежду ещё можно носить.

— Тогда, — он обратился к продавщице, — положите это добро в отдельный пакет. Завтра я твою одежду понесу и отдам в Дом престарелых. Не пропадёт твоё добро. Польза будет людям. Ты, пожалуйста, освободи карманы и вытащи свои вещи. Ничего не забудь!

Недовольный Йолмамбет вытащил сигареты, зажигалку, портмоне, очки, документы, ключи и носовой платок. Руслан всё это переложил в барсетку. Продавщица унесла одежду. Затем вернулась с упаковкой. Из салона они вышли часа через два. На улице Йолмамбет облегчённо вздохнул и полез в карман за сигаретами.

— Я хочу закурить, — сказал он сыну.

— Покуришь дома. — Сын понёс вещи к машине и всё уложил по порядку. Однако взял с собой отцовскую барсетку и протянул ему.

— Кури! — сказал он снисходительно.

— Расхотелось.

Всю дорогу Йолмамбет не мог прийти в себя. Однако это было только начало, чудесные метаморфозы в тот день не кончились.

Выйдя из машины, они взяли из багажника вещи и с большими полиэтиленовыми сумками стали проходить мимо скамейки, на которой сидел седой, с гладко выбритым лицом сосед Хасан. На нём была выцветшая кожаная тужурка-безрукавка поверх синей джинсовой рубахи, на голове — серая круглая войлочная шапочка вроде тюбетейки. В руках старик держал палочку и постукивал по земле. Он насупил еросшиеся седые брови и удивлённо посмотрел на Йолмамбета:

— Сосед, ты что, из другого мира вернулся? Вроде утром я тебя видел, ты был не такой!

— Да вот сын повёз в магазин, передел, переобул меня. Самому неловко, — развёл руками Йолмамбет.

Сосед всегда разговаривал поучительно, он был старше лет на двадцать.

— Действия сына одобряю. Пусть от своих детей тоже видит только блага! А тебя, сосед, я не пойму. Ты почему всё время один? Надо о жизни думать!

— Как-нибудь об этом поговорим, — застеснялся ворошить тему Йолмамбет, затем сделал строгое лицо и, глазами показав на сына, как бы объяснил: зачем при нём говорить о таких вещах.

— Поговорим, — понимающе поддакнул старик.

Они поднялись на второй этаж и вошли в квартиру. Поставили сумки, сняли обувь и прошли в комнату. Йолмамбет, вздохнув, сел на диван. Руслан стал оглядывать комнату и сказал:

— Отец, сосед твой прав. С детьми ты не хочешь жить. И я, и Алик сколько тебе говорили, чтобы ты жил с кем-нибудь из нас. Тебе надо серьёзно задуматься о дальнейшей жизни.

— А что думать? Мне так нравится. Я хорошо живу!

— Что хорошего? Ты посмотри на эту допотопную мебель, на эти поцарапанные полы, на твою обшарпанную ванну, на кухню! Разве можно так жить?!

— Не понял, что плохого в том, что ты перечислил?

— А то! Тебе надо мебель поменять и ремонт сделать. Сюда же никого не приведёшь! Как берлога!

— Ну, меняйте. Делайте ремонт. Делайте, что хотите. Чёрт с вами!

— Значит, так. Этот допотопный сервант, шифоньер, стол, диван выкидываем. Я буду у себя менять всё в квартире, а мебель у меня почти новая, в прошлом году покупал. Стол, шкаф, мягкий угол, кресло я переносу к тебе. Если брезгуешь, то с Аликом покупаем тебе всё новое!

— Что за слова? Почему я должен брезговать имуществом родного сына?! Меняй! Зачем что-то покупать и тратить огромные деньги? Мы одна семья! — недовольно сказал Йолмамбет.

— Итак. В эти дни мы с Аликом приходим и выкидываем всё это твоё имущество. Затем я вызываю бригаду. Одни положат на твой пол ламинат, другие в кухне и ванной — надлежащую плитку, третьи поменяют сантехнику, я с прошлого посещения помню, как отвратительно она выглядит. Затем перенесём мою мебель. И все дела! Через неделю будешь жить по-человечески.

— Я и так живу по-человечески. Как большая часть населения нашей России.

Руслан сделал вид, что не услышал, и очень внушительно сказал:

— И ещё, отец! Сосед прав, тебе нельзя оставаться одному.

— Это не ваше дело! — возмутился Йолмамбет.

— Твоё благополучие — наше дело! Надо привести кого-то для совместной жизни.

— Где я возьму кого-то? А приведёшь, так надо делить жильё. Я не могу допустить, чтобы квартира досталась чужому человеку.

— Да что ты зацепился за эту однушку! Если будет порядочная женщина, то пусть ей и достаётся. Мне она не нужна. У Алика скоро большие изменения будут в жизни — и ему тоже не нужна!

— А внукам?

— И внукам не нужна! Дай Аллах здоровья, мы их обеспечим.

— Это всё слова, — махнул рукой Йолмамбет.

— А какие препятствия? То, что от нас зависит, мы делаем безотлагательно. А что касается второй части — это твоё дело. Мы не против, если ты будешь жить с кем-нибудь. Мы об этом с Аликом разговаривали и пришли к однозначному мнению: тебе нельзя оставаться одному.

— Посмотрим. Время покажет.

— Хочешь, поедем к Алику и обо всём поговорим?

— Нет. Я приду к ним попозже.

— Ладно, отец. Я пойду, найду брата, он меня спрашивал. Посижу с ним пять минут и поеду домой. А ты думай...

Йолмамбет не ответил. Такой поворот дела для него был полной неожиданностью, он не собирался с детьми обсуждать весьма щепетильную тему. Когда сын ушёл, он ещё долго не мог прийти в себя. Полежал и даже вздремнул. Когда начало темнеть, встал. Сначала хотел идти к сыну в джинсах и пуловере, но затем, подумав о наступающей вечером прохладе, надел синий костюм с белой сорочкой, новые туфли и синюю бейсболку. Разглядел себя в зеркале со всех сторон. “Посмотрим, что скажут!” — подумал он и вышел из квартиры.

До сына минут двадцать. Он рассчитал время, чтобы прийти к ним в восемь часов, к этому времени возвращалась работающая врачом невестка. Сын возвращался раньше и ужин обычно готовил он.

Когда Йолмамбет пришёл к ним, его встретил старший внук, школьник Ахмед. Увидев наряженного деда, он закричал:

— Круто! Ты, атай, настоящий джигит! Вот это у тебя прикид!

На крик внука вышел и Али. Сын со всех сторон оглядел отца:

— Вот что делает с человеком одежда! Ты как будто другой человек!

— Я ваш отец! Ничего не изменилось. Не одежда украшает человека, а человек одежду! Думай, когда говоришь! — промолвил Йолмамбет. Со старшим он всегда был строгим и часто поправлял.

— Я о том же, — согласился Али.

Вышла и невестка из кухни. Она обомлела от вида свёкра, зажала свой рот ладонью и тихо проговорила:

— Вам очень идёт! Очень!

Обычно невестка со свёкром разговаривала тихо и мало. Она ушла обратно на кухню, чтобы подать еду. Али зашёл за ней:

— Давай помогу, — сказал он.

Невестка заговорила с мужем шёпотом, но так, что было слышно свёкру в зале. Это была её метода. По обычаю, Йолмамбет ещё давно, когда она родила первенца, разрешил ей разговаривать и даже подарок купил, чтобы она не избегала его, но она, проявляя уважение, громко никогда с ним не разговаривала и больше молчала.

— Слушай, мне стыдно говорить о таких вещах, но ты скажи отцу, чтобы он подыскивал себе пару. Трудно же ему. Теперь за него любая приличная женщина пойдёт. Как он хорошо выглядит!

— Я скажу. Только сначала ты накорми его. Сытый человек более благосклонен к беседе.

Йолмамбет их разговор услышал, но не стал реагировать. Он снял с головы бейсболку и положил в проём на полках с книгами. Из другой комнаты выскочил трёхлетний внук Салим:

— О-о! Атай пришёл! — он кинулся в распростёртые объятия деда.

Невестка выбежала на крик с полотенцем в руках:

— У него руки грязные! Запакает! Только что конфету съел, небось, весь измазала. — Она стала протирать руки малыша.

Затем все четверо сели за стол. Сын и невестка принесли на блюде благоухающий хинкал с мясом, поставили на стол и разложили еду на расставленные тарелки. Тихо стали есть. Йолмамбет и Али ели, макая хинкал в маленькие чашки с тузлуком. Детям тузлук с чесноком не нравился. Мать сидела рядом с малышом, кушала сама и одновременно ухаживала за ребёнком. Салим ел вяло, лениво.

— Ешь, ешь, — тихо говорила мать и протягивала ко рту вилку с нацепленным хинкалом.

Ахмед ел аппетитно и весело поглядывал на деда. Поев, Йолмамбет запил всё айраном, остальные предпочли яблочный сок.

— Вкусная еда! Нравится мне наш хинкал! — сказал Йолмамбет, вытирая салфеткой уголки рта. Он переместился на диван, оба внука сели у него по бокам. Али пододвинул стул к отцу.

— Отец, у меня начинаются перемены в жизни. Я уже давно знал об этом, но не хотел говорить. Ты сам говорил, что пока не свершится, нельзя людям рассказывать о важном деле. Меня переводят на работу в Москву. Должность, которую мне дают, хорошая, высокооплачиваемая.

— Ну, езжай! Новость приятная. А надолго ли?

— На постоянную работу. Надо и семью перевозить.

— Надо же! Как это?! Я думал, временно.

— В том-то и дело! Будем жить в Москве, — проговорил Али.

— Ура! Будем жить в Москве! — заорал Ахмед.

— Не ори! — осёк его Али.

— Это надо хорошо продумать. В Москве жить трудно. Тем более вы с детьми, — высказал свои опасения отец.

— Отец, у меня зарплата будет двести тысяч. Да и невестка твоя, если устроится, то не меньше ста тысяч будет получать.

— Дай-то Бог! Это приличные деньги! А где жить будете?

— Главк предоставляет квартиру под ипотеку. Эту квартиру, — он обвёл пальцем круг, — я не продам. Будете с Русланом присматривать. Я же и земельный участок приобрёл здесь, пусть подождёт. Пользуйся как дачей. Там и вагончик для бытовки есть.

— Посмотрим, — проговорил отец, прислушиваясь к словам сына.

— Как разберусь в Москве с делами, может, и продам эту квартиру, тогда параллельно начну строить дом. Всё же наша основа на родине. Кто-нибудь и переедет сюда.

— Если так, то правильно. Я присмотрю, конечно. А как дети?

— Ахмед пойдёт в московскую школу, Салим — в садик.

— Надо всё взвесить.

— Я уже давно обдумываю это предложение. Главк настоял. Твоя невестка и работу подобрала.

— Как-то легко получается. Не верю я, когда всё просто оборачивается! Не бывает так в жизни.

— Отец, это я просто, в двух словах рассказываю. А так за место борьба нешуточная была. Все хотят в столицу. Моя кандидатура наиболее подходящей оказалась.

— Если так, то хорошо. Я плохо в ваших делах разбираюсь...

Помолчали.

— Приходил Руслан. Он мне хорошо помог, — сказал Али.

— Помогайте друг другу. Вы родные люди.

— Он говорил насчёт ремонта твоей квартиры. Мы придём на выходные и приберём у тебя. Старую мебель вынесем, а он тебе свою завезёт. Сначала сделаем косметический ремонт. Твоя квартира маленькая, мастера за неделю закончат, и затрат мало. Что там делать: ламинат и плитку за день поставят, обои переклеить полдня понадобится. Да не беспокойся, ты будешь только смотреть.

— Я что? Ремонт за ваши средства. У меня это не было предусмотрено. Меня такая квартира устраивает.

— Отец, у меня к тебе самый важный вопрос. — Али вопросительно посмотрел на невестку, она его поняла и вышла. — Я с семьёй уеду, Руслан тоже очень занятой человек. Нас волнует твоё одиночество!

— Пусть оно вас не волнует!

— Волнует. С нами ты с самого начала отказался жить. Ты стареешь, трудно будет одному. Надо что-то делать!

— А что делать?

— Как что?! Приведи женщину!

— Это не твоё дело! — оборвал его Йолмамбет.

— Это не твоё дело! — повторил и внук Ахмед, за что получил от отца подзатыльник.

— Больно! — заорал Ахмед. — Я только повторил дедушкины слова. — Он посмотрел на деда: — Я же тебя поддержал?!

— Ахмед, — погладив по голове внука, сказал Йолмамбет. — Нельзя отцу прекословить.

— Думай сначала. То, что позволено деду, не позволено внуку! — пригрозил Али сыну.

— Короче, — сказал Йолмамбет. — Вы не лезьте в мою личную жизнь. Мне это неприятно! Я как-нибудь разберусь с ней сам. Со мной ничего не случится! Смотрю на вас — вы совсем распоясались! Может, вы меня и в загс под руку поведёте?!

Зайдя в квартиру, Йолмамбет разделся, повесил на плечики и оглядел костюм, повесил в шифоньер. Телевизор включать не стал, разложил постель на диване, потушил свет и лёг. Долго не мог уснуть. Перед глазами проходил этот необычный день. Посещение офиса Руслана, неприятнейшая встреча с Лейлой, посещение салона и смена одежды, предложение детей с ремонтом квартиры. На последнем он остановился и всё никак не мог обмозговать поведение сыновей. “Смотри, — рассуждал он, — не нравится им моя квартира! Чуть ли не брезгают отцовским наследием! Дураки! Я им хочу добро оставить, а они?..” Это был важный, корневой момент, как будто его лишили смысла жизни. Затем он сам себя успокоил, стал припоминать своего отца. Тогда Йолмамбет, вопреки его наставлению не бросать родной дом в ауле, не исполнил его волю. После переезда в город некоторое время ещё приезжал в аул, бывал в родном доме, но после саманный дом оттого, что в нём не жили, пришёл в запустение и стал разрушаться. Когда получил квартиру, пришлось участок с разрушенным домом отдать родственнику. Перед самым сном он подумал: “Всё повторяется. Может, мои дети и правы?..”

На следующее утро Йолмамбет в самом деле желал стать новым человеком. Долго умывался. Во время умывания разглядывал своё лицо, отражённое в зеркале. Покушав, надел новый костюм и стал перед большим зеркалом шифоньера. Опять долго вглядывался в своё отражение. Вдруг само по себе у него стало меняться выражение лица. Перепробовав разные вариации, он сам не заметил, как в его отражении появилось выражение шефа Руслана. Сначала он нагнал на себя строгость, затем, как делал начальник, снисходительно смягчил взгляд, а после, сощутив один глаз, великодушно стал смотреть вдаль. “Надо быть таким”, — решил он. А после пришёл ещё к одному умозаключению: “С детьми, да и со всеми, надо быть строгим. А то моё панибратское отношение у всех порождает пренебрежение ко мне”.

В субботу пришли сыновья и стали освобождать квартиру от его старой мебели. Вынесли сервант, шифоньер, тумбочки, стулья. Йолмамбет, держа руки в карманах джинсов, свысока смотрел на их действия. Затем они принялись отбирать лишние вещи, чтобы выкинуть. Тут отец не сдержался, возмутился. Найдя картонные ящики у себя на балконе, он сложил в них все книги, несколько старых ящичков шахмат, старую электробритву, которой не пользовался, но дорожил как памятью, сложил альбомы с фотографиями, все личные документы и сувениры, приобретённые в командировках. Посуду из серванта, которой пользовался ещё со времён покойной жены, строго велел не трогать:

— Не брат! Это всё моё! — прикрикнул он на сыновей.

— Ради бога! Твоё! Пользуйся, пожалуйста! — поднял обе руки Руслан, подавив смех.

— И не смейтесь надо мной! Выгоню к чертям собачьим!

Сыновья замолкли и с удивлением посмотрели на его строгое выражение лица.

Али с ним был более предупредительным, поэтому тихо сказал:

— Ты, отец, не злись! Всё будет, как скажешь ты сам. А до окончания ремонта можешь пожить у нас!

— Ещё чего! Я никогда ни у кого не спал! Я что, бездомный?!

— Диван хотели вынести? — осторожно спросил Руслан.

— Нет! Буду спать на своём диване у себя дома!

Когда сыновья ушли, к нему постучался Хасан. Он открыл дверь и вошёл старика. Хасан оглядел квартиру:

— Йолмамбет, ты мебель выкинул? Она стоит возле мусорного контейнера.

— Да! Всё сыновья! Скоро привезут новую.

— Йолмамбет, если не нужны стулья — можно я их себе возьму? У меня почти пустая квартира.

— Конечно, Хасан! Забирай всё!

— А что, этот диван оставили?

— Где-то же мне надо спать. Привезут мебель, и его выкинут.

— Слушай, Йолмамбет, у меня совсем разваливается диван... — тактично сказал Хасан.

— Когда привезут мебель, грузчики мой диван занесут к тебе... Сказали, чтобы всё выкинул, — с обидой сказал Йолмамбет.

— Круто они за тебя взялись!

— Не говори! Может, так и надо?

— Надо! Мои деньги присылают, за квартиру платим, а остальные же на собирает, говорит, что на чёрный день понадобятся. Вот и живём ради чёрного дня. А лучше бы было для светлого. Ремонт сделай — и молодуху себе приведи.

— Подумаю, — сказал Йолмамбет.

— Нечего думать! Сколько можно?! Договорились насчёт дивана? Пойду, заберу стулья, а то их кто-нибудь возьмёт. — И Хасан вышел.

За три дня мастера закончили ремонт. В комнате положили на пол ламинат в клетку, все стены обклеили дорогими розовыми обоями, кухню и ванную обложили блестящей коричневой плиткой, сантехники поменяли мойку и краны. Последним актом стал привоз мебели Руслана. Грузчики спустили диван к Хасану на первый этаж, а в квартиру занесли мягкий бордового цвета угол, такое же раскладное кресло-кровать, новенький белый шкаф, а также застеклённые полки для книг, компьютерный стол сдвигающимся на роликах стулом. Когда всё установили, Руслан расплатился с грузчиками и вышел с ними вниз. Через некоторое время он вернулся с пакетом. Вытащил из пакета новый серый спортивный костюм:

— Надень. Примерь. Должен подойти!

Йолмамбет примерил.

— Мне кашпошон не нравится.

— Отец, такие сейчас модные, будешь по утрам бегать.

— Меня и моё трико устраивает.

— Трико надо выкинуть.

— Я тебе выкину! Может быть, вы и меня на свалку выкинете?! — сорвался Йолмамбет.

— Сдаюсь! Делай, как хочешь. — И Руслан ушёл.

Йолмамбет костюм оставил у себя. После ухода он надел своё выдавшее виды трико и много раз стиранную футболку.

— Мне так лучше. Я не могу изменять своим привычкам, — успокаивал он себя.

Однако утром надел новый спортивный костюм, а старое трико и футболку, завернув в газету, положил в комод шкафа.

— Может, понадобится для работы, — сказал он себе, хотя знал, что никакой чёрной работы ему не предвидится. Сам же решил бегать вокруг дома, а также вытащил из коробки спрятанную давно тридцатидвухкилограммовую гирию и стал её поднимать. Лет пять назад он её поднимал по десять раз каждой рукой.

На улице он уже привычно носил джинсы, красивый бежевый пуловер и считавшиеся в его прежнем понимании совсем молодёжными кроссовки. Утром он не появлялся на улице, по которой ходила на работу Лейла. Он был на неё в обиде, а также, зная о её высокомерном характере, боялся, что она его высмеет. “Эта язва что-нибудь скажет! Точно скажет!” — убеждал

он себя и шёл в привычный городской парк окольными путями. В парке сидел среди своих старых знакомых. Как-то пригляделся к их нарядам и, к своему удивлению, заметил, что на многих джинсы с узкими штанинами и облегающие их туловища верхние одежды, на ногах кроссовки, на головах бейсбольные шапки с козырьками. “Оказывается, уже многие так одеваются. Это я был отсталый!”

После окончания ремонта он встретил поджидающего его старика Хасана. Сосед был в своей незаменимой одежде, в войлочной шапочке и с палочкой в руке. На скамейке рядом с ним лежал белый пакет.

— Йолмамбет, я тебя жду! Спасибо за диван! — Он показал на пакет. — Это старая от радости купила тебе коньяк и напекла хычинов.

— Зачем, Хасан-ага? Мебель вся выкидывалась.

— Не я же тебе ставлю коньяк, а жена в знак благодарности. Я-то не пью, а ты выпей за наше здоровье.

Всю ночь громыхал гром и сверкали молнии. Йолмамбет встал с постели в бодром настроении. Он умылся холодной водой, и, выйдя на балкон, стал приседать, а после начал поднимать гирию. Подъём гири заряжал его на весь день. Балкон выходил во двор. Отсюда открывался вид на западную часть города. Он посмотрел с балкона на далёкие предгорья, покрытые зеленью. В ближних частных огородах среди густой зелени светились ярким белым цветом яблони. Йолмамбет глубоко вздохнул грудью. Вдруг он ощутил мятный запах, идущий со стороны зелёного берега. Там цвела облепиха. Он смотрел на округу и набирался решимости. Сегодня он намеревался идти на соседнюю улицу и непременно поговорить с Лейлой. С этой мыслью он попил чаю, надел джинсы, голубой пуловер. Какая-то сила подтолкнула его посмотреть из окна, смотрящего в сторону проезжей дороги. В начале улицы он приметил знакомые очертания, взволнованно присмотрелся к приближающемуся силуэту. Лейла! В платье кремового цвета. Она приближалась к дому, осторожно ступая, обходя лужи на непросохшем от дождя тротуаре. На ногах у неё были золотистого цвета блестящие туфли. До дома оставалось метров сто. Быстро надев кроссовки, Йолмамбет пулей вылетел из дому, даже забыв закрыть на замок дверь. Она, подымая взгляд от тротуара, поглядывала далеко вперёд, и на выскочившего из подъезда мужчину не обратила внимания. Когда проходила мимо него, он набрался решимости и произнёс:

— Как тебя занесло в наши края?

Лейла, погладив рукой гладко зачёсанные чёрные волосы, с любопытством взглянула. Узнав Йолмамбета, удивилась, но сразу взяла себя в руки и прижала к боку розовую сумочку.

— Вообще-то я живу в этом краю. Метров пятьсот отсюда. Иду на работу.

— Но ты здесь не ходила. А в этом доме живу я.

— Мне очень нужно знать, где ты живёшь! Живёшь себе, вот и живи!

— Что за тон, уважаемая? Раз мы соседи, то у нас и отношения должны быть близкими. — Йолмамбет незаметно заградил ей путь.

— Ещё чего?! — Она сделала попытку обойти его.

Йолмамбет развёл руки, создавая шлагбаум.

— Ты не поняла, Лейла! У нас с тобой должны быть добрососедские отношения!

— Ещё чего?! Да что ты так просто называешь моё имя? И ещё. Отношения не требуют — их создают. Не болтают, что на язык попало! Век бы мне на тебя не смотреть!

— Прямо-таки! — произнёс Йолмамбет, поднял голову и, как шеф Руслана, прищурившись, надменно посмотрел на неё.

— Чего это ты так на меня смотришь? Прямо, как собака на кошку!

Йолмамбет сделал снисходительное выражение и осторожно проговорил:

— Наоборот! Как кошка на собаку!

— Чего?! Это я собака?! Сам ты собака! — Она стала порываться уйти.

Но Йолмамбет стал стеной на её пути. Лейла гордо подняла голову:

— Смотри на него! Специально приедлся, чтобы меня встретить?

— Я всегда так одеваюсь. Даже не знал, что ты по моей улице ходишь!
— Я пошла по этой улице, потому что после утреннего дождя на нашей огромные лужи, по тротуару невозможно пройти.

— А я подумал... — сказав с намёком, он улыбнулся.

— Что ты подумал?! Что ты мог подумать?! Что ты шифруешься?!

— Я не маскируюсь. Это другие! Другие парики покупают, чёрные очки носят...

Лейла была ошарашена:

— Чего остановился? Договаривай, Ё-моё!

— Не Ё-моё, меня зовут Йолмамбет, близкие называют Йомой.

— Ну, Йо-ома! — выдавила из себя Лейла.

— Мне понравилось, как ты сейчас произнесла моё имя! Слух ласкает! — и он мечтательно посмотрел на неё. — Не думай обо мне плохо. Я к тебе хорошо относился. Я мечтал о такой, как ты!

— А чего в прошедшем времени? Ты так быстро разочаровался? Мы-то всего пять минут разговариваем!

— Я не о том... Я о том, что ты долго не продержалась.

— Это ещё надо доказать. — Лейла зажеманилась, мягко положила руку ему на грудь. — Что тебе надо, Йома?

— Ничего. Я не шантажист.

— Да кто тебе что говорит. Я ничего не предлагаю. Просто, секрет без условий его хранения перестает оставаться в тайне.

— Раз сама знаешь, что ты спрашиваешь? — Смелость ещё не покинула его.

— Я так и знала... — закручинилась она.

— Я что? Только о твоём секрете знает и твой друг?

— Какой он мне друг? Главное зло — это он в этом деле. Он боится разоблачения. Он же спёр парик из нашего долбаного театра. Единственный реквизит был в театре, а он взял и спёр. Теперь директор ищет. Приписал несуществующие реквизиты и в милицию подал заявление. Так что о парике узнают, его могут поймать. И припишут ему кражу других вещей.

— Ради любви на что только не идут! — Информация его позабавила. — Если разоблачат — представляю, как он будет проводить заседания высшего совета своей организации.

— Какая там любовь?! Я на днях узнала, что у него и в аule женщина есть. Если что — я ему пасть порву!

В это время, опираясь на палку, из подъезда вышел старик Хасан. Он несколько раз кашлянул и одобрительно кивнул головой Йолмамбету.

— Хорошо! — заговорщически мигнув одним глазом, сказал он Йолмамбету и, пройдя мимо, метрах в трёх остановился.

— Чего это он? Что ему нужно? — тихо спросила Лейла, прося защиты от новой надвигающейся беды.

Старик оглянулся:

— Йолмамбет, я тут из окна, — он показал рукой на приоткрытое окно, — наблюдал и так понял, что дело свершилось?

— Ещё нет, — ответил Йолмамбет.

— Осталось малость. До героизма всегда один шаг. И ты на него пойдёшь. Сделай один шаг и закрывай фашистский дзот грудью. Родина тебя не забудет!

— О чём это он? — произнесла Лейла, изумлённо разглядывая старика.

— Я к тому, Йолмамбет сделал главное, привёл тебя к своему дому.

— Никто меня не приводил. Я сама мимо шла.

— Это ты говоришь для протокола. Но ты пришла сама. Теперь остался один шаг. В бурку, как в стародавние времена, закатывать не надо. Возьмёшь на руки и понесёшь.

Лейла рассмеялась:

— Да он меня не поднимет.

— Поднимет! А может, — Хасан притворно посмотрел на соседа и подзадорил, — ты совсем слабый?

— Куда ему? Силёнок не хватит! — с интересом сказала женщина.

— Йолмамбет, поднимешь же?! А ну-ка! — неожиданно громко приказал Хасан.

— Раз старшие говорят! — Йолмамбет резко присел и, взяв под колени и за спину, поднял Лейлу.

— Ой, он пошутил, и я пошутила! — закричала она.

— А мы шутить не любим! Быстро! Неси! Я ничего не видел! Никто ничего не видел! — пригрозил старик.

Йолмамбет побежал с визжащей на руках Лейлой на второй этаж. Ударом ноги открыл дверь. Благо, что он забыл её запереть. Посреди комнаты он опустил Лейлу на ноги. Она размахнулась сумкой, чтобы ударить. Йолмамбет схватил руку с сумкой и обнял её. Обнял так сильно, что сам испугался, как бы не затрещали хрупкие кости. Сумочка упала на пол.

— Разбойник! Бандит! Ты меня задушишь, — тихо запричитала Лейла.

— Не рычи! — прикрикнул он и стал носом касаться ушей, волос. Духи мягко щекотали обоняние. Она страстно, лицо к лицу, посмотрела ему в глаза. Йолмамбет почувствовал, как она коснулась ладонью места между лопаток. Затем, нерасторопно дёргая ногами, сбросила с ног туфли. На улице она казалась выше него, без туфель стала ниже ростом.

— Ты всегда так рычишь? — шёпотом проговорил Йолмамбет.

— А ты не насильничай! Я могу посадить тебя за это!

— Ещё чего! — И он вместе с ней опустился на кровать.

Она обмякла. Йолмамбет боялся, что она передумает и начнёт сопротивляться. Она боялась, что возникнет заминка, и он замешкается...

После она как бы в знак благодарности погладила его по затылку и прижалась к нему:

— Я и представить себе не могла, что у нас что-нибудь будет.

— Я тоже так думал.

— Я твой ответ не поняла. Я тебе не понравилась?

Йолмамбет прищурился и проговорил шутливо:

— Я не разобрался.

— Как? Как ты смеешь? Ё-моё, да ты шантажист!

— Ты предел мечтаний каждого мужчины!

— Опять скользко! Ё-моё, ты шантажист, грубиян!

— Вообще-то моё имя Йолмамбет.

— А покойная супруга как тебя называла?

— Золото моё, несравненный.

— “Золото моё”... Я так не могу, — засмеялась она и повторила: — Я серьёзно. “Несравненный”? Нет, и так нельзя! При людях как она тебя называла? По имени? Или как?

— При людях говорила: “Отец моих детей”. Что-то по имени меня никак не называла, обычай соблюдала. Иногда обращалась: “Эй, отец”.

— И что ты хочешь, чтобы я тебя называла: “Эй, отец!”? Нет уж. Можно я тебя буду называть Ё-моё?

— При одном условии: до конца жизни. Согласна?

— Ладно, согласна.

— Ну тебя! — она ударила кулачком по плечу, подумав, серьёзно сказала: — Эй, отец! Поступила я неправильно. Не надо было мне ложиться с тобой, шантажистом!

— Дочь моя, у тебя не было альтернативы.

— Ё-моё! Это прелюбодеяние.

— Ты не сдержалась, так бывает. Будешь отмаливать свой грех. Я тоже корю себя за этот непростительный поступок. Или сближения со мной ты ожидала всю жизнь?

— С самых пелёнок мечтала о сближении с тобой, — отпарировала она и добавила: — Теперь я убедилась, что это ты сказал: “Долго не продержится”, — свои слова хотел свалить на бедного Каирбека!

— Ага, совсем бедный, жирный кабан! Я не мог так сказать! Тогда я тебя считал чересчур высоконравственной.

— А сейчас какая я?! Издеваешься?! Я больше с тобой не лягу!

— Ляжешь! И будешь рычать!
— Ё-моё! С кем я связалась?!
— Связались на веки веков!
— Да надолго ли у вас, отец мой, силёнок хватит?!
— Поэтому, дочь моя, сначала надо оборвать все связи с прежней резидентурой.

— С кем?

— С неудавшимся актёром!

— Я, дура, на парик повелась. Я его всего-то видела несколько раз на собраниях. Помню, что лысый был. А после он почти месяц звонил, уговаривал в кафе пойти. В загородное. Знал, что я в городе никуда с ним не пойду. Не могу, чтобы обо мне судили, как о гулящей женщине. Сын у меня на ответственной работе. Вот он и заехал за мной на машине в парике. Я его не узнала, хотела убежать... Но потом повелась, — она погладила лысину Йолмамбета.

— На парик! Ясно! А не приобрести ли парик и нам? — пошутил Йолмамбет.

— А чего его приобретать?! Я и так твоя.

— Да?!

— Или ты не согласен?

— Но для этого нам надо узаконить наши отношения!

— Неожиданно, Ё-моё! — воскликнула Лейла. Подняв голову, с любопытством посмотрела на Йолмамбета. — Ты не пожалеешь?! Дайте я вытру ваши будущие слёзы, — она протёрла кулачком под его глазами. — Тьфу, тьфу! Чтобы не сглазить! — она погладила его, как маленького ребёнка, потрепала за нос пальцами и прикоснулась губами к его лицу. — Сколько дней и ночей вы думали, чтобы сказать мне это? Как же шантажист намерен проделать это действие?

— Официально! Чтобы ты не считала себя развратной девкой. Или ты возражаешь?

— Я в общем-то за! Но чует моя душа, что скоро ты будешь издеваться надо мной!

— Но тебе же это нравится? Ты и сама в карман не лезешь за словом!

— Скажи: как ты собираешься узаконить наши отношения?

Йолмамбет подумал, после тронул пальцем её губы и тем же пальцем указал на свою щёку:

— Поцелуйте! Не посчитайте за труд!

— Это всегда пожалуйста! — она поцеловала несколько раз его в щёку.

— Сначала ты пойдёшь на работу! — требовательно сказал он.

— Если бы ты знал, как я не хочу туда ходить... Я бы давно бросила работу, а тут взяли и увеличили возраст ухода женщин на пенсию...

— Без вашего труда страна не сможет поднять экономику.

— Я тоже об этом! — она с восхищением посмотрела на него. — Ты не увиливай от главного! Дальше что будем делать?

— Всё будет по добрым нашим национальным традициям. Засылаем сватов!

— А кто будет твоим сватом?

— Главным сватом предстанет сосед Хасан!

— Я так и знала! Твой сообщник! А кто ещё?

— Представители нашего славного рода Карамовых!

— Весь аул, что ли?

— Нет, в лице моих сыновей: Али и Руслана!

— Отец мой, а прилично ли это, чтобы дети выступали сватами отцов и матерей?

— Безвыходное положение! Мои сыновья будут сватать у твоего сына.

— А если он откажет?

— Возможно и такое. Тогда остаётся похищение. Которое мы успешно совершили. Мы посылаем вестника с известием, что ваша мама у нас.

— А он подаёт заявление об умыкании матери в прокуратуру, — она замотала головой. — Ё-моё, а не лучше ли сразу в свадебное путешествие отправиться? Мы же вольные птицы. Не люблю я эти церемонии.

- Есть и другой вариант. Сразу свадьбу делать!
- Отец мой, какая свадьба?! Сразу в загс?! И жить тише мышки.
- Есть упрощёнка: жить в гражданском браке!
- Я тебе что, потаскуха какая?! — возмутилась она. — Жить где будем?
- Здесь!

Лейла уныло посмотрела на тесную комнату:

— Можно жить и в моём доме. Там у нас два отдельных входа и две кухни с ванными комнатами. Половина дома моя.

— Ни в коем разе! В роду Карамовых примаков не было! Будем жить у меня. Если здесь станет тесно, то переедем в трёхкомнатную квартиру сына, он скоро уезжает с семьёй в Москву. Я остаюсь присматривать за квартирой.

— А что ты подразумеваешь под словами “станет тесно”? Я что, родить должна?

— Возможно, что и двойню!

— Ё-моё! Охладись! Поубавь свой аппетит! Рожать я не хочу!

— А вдруг?! — Йолмамбет пытливо посмотрел на неё.

— Ё-моё ты моё! Хотя на старости лет весело заживу!

— Да, ты веселье любишь, вижу. Одна тоже любила, а любовник, чтобы понравиться, взял и зацекотал её. Зацекотал так, что она от смеха сознание потеряла...

— Ё-моё! — прыснула она со смеху. — Да ты фонтан, вулкан! Везувий, исторгающий лаву! Этот любовник, наверное, был ты?!

— Ты ещё нахлебаешься, дочь моя!

— Ладно, отец мой. Ближе к телу! — проговорила она в унисон.

— Ближе не могу. Тебе на работу.

— Я хочу свадебное путешествие в Египет, на пирамиды! — радостно вскрикнула Лейла.

— Это мы сможем в ближайшем будущем. Мне тоже надо взглянуть на могилу Клеопатры, — проговорил себе под нос Йолмамбет.